
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ И СЕМЬЯХ*

А.А. Подмарев

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье проводится сравнительный анализ конституционного регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина в различных правовых системах и семьях; выявляется общее и особенное в указанном регулировании.

Ключевые слова: конституция; конституционное регулирование; права и свободы человека и гражданина; ограничение прав и свобод человека и гражданина; правовая система; правовая семья.

В зарубежной и отечественной юридической науке традиционным объектом сравнительных исследований являются национальные правовые системы. Сравнение правовых систем «дело такое же давнее, — писал Р. Давид, — как и сама правовая наука» [2. С. 11]. В теории права под правовой системой обычно понимается совокупность всех правовых явлений, существующих в обществе: право в объективном смысле; источники права; правотворчество; правоприменительная деятельность; правовая идеология; правовая культура; правовые отношения; учреждения, создающие и применяющие право; юридическое образование; юридическая профессия. Т.Н. Радько включает в правовую систему действующее право, правовую идеологию, правовую психологию, правовые отношения, юридическую практику, правовые учреждения [13. С. 419]. «Это понятие — пишет А.Б. Венгеров — используется в теории права как раз для того, чтобы охарактеризовать историко-правовые и этнокультурные отличия системы права разных государств, разных народов» [1. С. 437]. Правовая система может также рассматриваться как категория действующего права. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы...». Конституционный Суд России констатирует, что правовая система Российской Федерации основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства [12].

* Статья выполнена в рамках НИР «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» на период 2013–2015 гг. (тема № 090404-0000).

Национальные правовые системы принято группировать в крупные правовые комплексы — правовые семьи. «Категория “правовая семья” — отмечает Н.Л. Гранат — служит для обозначения группы правовых систем, имеющих сходные юридические признаки, позволяющие говорить об относительном единстве этих систем» [11. С. 309–310].

Рене Давид выделял романо-германскую правовую семью, семью общего права, семью социалистического права, а также крупные правовые системы: мусульманское право; право Индии; правовые системы Дальнего Востока; правовые системы Африки и Мадагаскара.

Романо-германская семья включает страны, в которых: юридическая наука сложилась на основе римского права; норма права понимается как правило поведения, обладающее всеобщностью, а не как средство решения конкретного случая; главную роль среди источников права играют законы, в том числе кодексы; право разделено на публичное и частное [2. С. 27–29, 35–126]. Романо-германскую правовую семью представляют не только европейские государства, но и страны Азии, Африки, Южной и Центральной Америки. К романо-германской правовой семье, в частности, относятся Австрия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Венгрия, Венесуэла, Греция, Дания, Испания, Италия, Казахстан, Колумбия, Кыргызстан, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Турция, Финляндия, Франция, ФРГ, Швейцария, Швеция, Япония.

Отличительными чертами семьи общего права являются: меньшая абстрактность норм права; правотворчество судей; наличие в системе источников права судебных прецедентов и правовых обычаев; особое значение процессуальных норм [2. С. 29–30, 221–343]. Эта семья включает Англию и Уэльс, Австралию, Бангладеш, Барбадос, Белиз, Вануату, Гайану, Гренаду, Доминику, Ирландию, Канаду, Кению, Кипр, Нигерию, Новую Зеландию, Сингапур, США, Уганду, Ямайку и другие государства, правовая система которых сформировалась под влиянием английского права.

В семье социалистического права право является «надстройкой» над экономикой; право — инструмент класса, который осуществляет в данном обществе диктатуру, поскольку ему принадлежат средства производства; частное право уступает место публичному праву [2. С. 27–29, 129, 148–181]. Право рассматривается также как средство решения стоящих перед государством ближайших и стратегических задач (М.Н. Марченко) [10. С. 602]. В современном мире эту семью представляют Китай, Вьетнам, Куба, КНДР. Согласно ст. 18 Конституции КНДР 1972 г. «законы КНДР являются отражением воли и интересов трудового народа и основным инструментом управления государством» [6. С. 271].

В настоящее время признается существование семьи мусульманского права (Т.Н. Радько [13. С. 432], В.Е. Чиркин и другие ученые). Отличительной чертой семьи мусульманского права является признание положений ислама основным источником законодательства. Эту семью представляют такие государства, как Афганистан, Бахрейн, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Оман, Пакистан, Саудовская Аравия и другие. Причем В.Е. Чиркин выделяет две семьи

мусульманского права: 1) классического, древнего мусульманского права (семья правового фундаментализма или радикализма (Оман, Саудовская Аравия)); 2) семья мусульманского права в «продвинутых», «рационализированных» мусульманских государствах (Египет, Ирак) [15. С. 261].

Роль ислама для текущего законодательства можно проиллюстрировать примерами из конституций исламских государств. Согласно ст. 227 Конституции Пакистана 1973 г. «все существующие законы должны быть приведены в соответствие с предписаниями ислама, как это предусмотрено Священным Кораном и Сунной... Никакой закон не может быть принят, если он противоречит таким предписаниям» [5. С. 694]. В ст. 4 Конституции Ирана 1979 г. закреплено: «все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и уставы должны быть основаны на исламских нормах» [4. С. 242]. Основной низам о власти 1992 г. Королевства Саудовская Аравия определяет понимание конституции в этом государстве: «Королевство Саудовская Аравия — суверенное арабское государство. Его религия — ислам, конституция — Книга Всевышнего Аллаха и Сунна Его Пророка...» [4. С. 492]. В ст. 2 Конституции Бахрейна 2002 г. сказано: «Исламский шариат является основным источником законодательства» [4. С. 25]. «В статье 2 Конституции Ирака 2005 г. установлено: «1. Ислам — официальная религия государства и основной источник законодательства. А. Ни один закон не может быть принят, если он противоречит установленным нормам ислама...» [4. С. 192].

Существуют также государства и внутригосударственные территориальные образования (административно-территориальные единицы или субъекты федерации) со смешанными правовыми системами, которые сочетают элементы романо-германской правовой семьи и семьи общего права (Израиль, ЮАР, Филиппины, Шотландия, Квебек, Луизиана); мусульманского права и семьи общего права (Бруней, Мальдивы). Есть и другие варианты сосуществования различных правовых систем в одном государстве.

В любой правовой системе одним из центральных вопросов правового регулирования является определение положения человека в обществе и государстве через его права, свободы, обязанности, ответственность. А также через ограничение прав и свобод. Базовое правовое регулирование в этой сфере общественных отношений осуществляется конституцией государства. «Конституционное регулирование — пишет Б.С. Эбзеев — это высший вид правового регулирования... Конституция закладывает самые фундаментальные основы правового регулирования общественных отношений с участием личности и составляет ту базу, которая образует конституционно-правовой статус личности, предопределяет содержание отраслевого регулирования...» [16. С. 130–131]. Современные конституции демонстрируют нам, что помимо вполне очевидных различий в отношении к праву в правовой идеологии, в источниках права, между правовыми семьями существуют определенные общие, объединяющие черты, в частности, в сфере закрепления основ правового положения личности. Зададимся вопросом: оказывает ли влияние принадлежность государства к той или иной

правовой семье на конституционное регулирование ограничения прав и свобод личности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к текстам конституций государств, представляющих различные правовые семьи.

Но предварительно необходимо сделать несколько замечаний: во-первых, конституции есть почти во всех государствах современного мира (нет конституций в Великобритании, Израиле, Новой Зеландии и в тех государствах, где недавно произошли революции), то есть конституции есть в странах, представляющих все правовые семьи; во-вторых, в некоторых государствах конституции состоят из нескольких актов (Канада, Швеция, Саудовская Аравия); в-третьих, в конституциях некоторых государств нет раздела о статусе личности (Бруней, Франция, Чехия), при этом во Франции и Чехии частью конституции объявляются ранее принятые документы о правах человека (во Франции — Декларация прав человека и гражданина 1789 г. [9. С. 433–434], в Чехии — Хартия основных прав и свобод 1991 г. [9. С. 520–530]); в-четвертых, подробное конституционное регулирование положения личности, необходимое для нашего исследования, характерно для конституций, принятых после Второй мировой войны; в-пятых, мы рассматриваем только те ограничения, которые действуют при нормальном (ординарном) правопорядке, а не во время чрезвычайного или иного исключительного положения.

Итак, принимая во внимание существующую группировку государств на правовые семьи, следует привести примеры конституционного регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина, чтобы увидеть, существуют ли принципиальные различия в подобном регулировании, обусловленные принадлежностью государств к той или иной правовой семье.

Сначала приведем примеры из конституций стран романо-германской правовой семьи.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции России 1993 г. права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Часть 3 ст. 31 Конституции Польши 1997 г. гласит: «Ограничения в области пользования конституционными свободами и правами могут быть установлены только в законе и только тогда, когда они необходимы в демократическом государстве для его безопасности или публичного порядка либо для охраны окружающей среды, здоровья и публичной морали или же свобод и прав других лиц. Эти ограничения не могут нарушать сущность свобод и прав» [8. С. 690].

В соответствии с Конституцией Киргизии 2010 г. «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям» (ст. 20)» [5. С. 460].

Подобное установление общих условий ограничения прав и свобод мы находим в конституциях Португалии 1976 г. (ст. 18), Турции 1982 г. (ст. 13), Хор-

ватии 1990 г. (ст. 16), Румынии 1991 г. (ст. 49), Словении 1991 г. (ст. 15), Молдовы 1994 г. (ст. 54), Таджикистана 1994 г. (ст. 14), Армении 1995 г. (ст. 44), Казахстана 1995 г. (ст. 39), Беларуси 1996 г. (ст. 23), Албании 1998 г. (ст. 17), Швейцарии 1999 г. (ст. 36), Венгрии 2011 г. (ст. I).

Кроме общих условий ограничения всех прав и свобод (цели, форма закрепления, соразмерность), в указанных конституциях присутствуют ограничения конкретных прав и свобод.

Вместе с тем нет единой статьи об общих условиях ограничения всех прав и свобод в конституциях Италии 1947 г., Дании 1953 г., Монако 1962 г., Сан-Марино 1974 г., Греции 1975 г., Испании 1978 г., Нидерландов 1983 г., Болгарии 1991 г., Литвы 1992 г., Андорры 1993 г., Азербайджана 1995 г., Боснии и Герцеговины 1995 г., Грузии 1995 г., Украины 1996 г., Финляндии 1999 г.

Теперь обратимся к конституциям государств, представляющих семью общего права (англосаксонскую правовую семью).

В конституциях Ирландии 1937 г. (с изм.) [7. С. 809–813], Индии 1950 г. [5. С. 183–189], Сингапура 1959 г. [6. С. 682–685], Кипра 1960 г. [8. С. 212–224], Бангладеш 1972 г. [5. С. 59–66] нет общих условий ограничения прав и свобод; в статьях, посвященных отдельным правам и свободам, предусматриваются определенные способы ограничения этих прав и свобод.

Посмотрим на конституции государств семьи социалистического права.

В Конституции КНДР 1972 г. закрепляются лишь ограничения избирательных прав (ст. 66), свободы совести (ст. 68), неприкосновенности личности и жилища (ст. 79) [6. С. 278–281].

В Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. установлено, что «осуществляя свои права и свободы, граждане КНР не должны причинять вред интересам государства, общества и коллектива, законным свободам и правам других граждан» (ст. 51); закреплены также способы ограничения отдельных прав и свобод (ст. 37, 39, 40) [3. С. 681–685].

В Конституции Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. нет общих условий ограничений или положений об ограничениях отдельных прав и свобод человека; права и свободы реализуются в соответствии с законом [6. С. 123–128].

В конституциях государств, входящих в семью мусульманского права, мы также находим нормы, касающиеся ограничения прав и свобод.

Конституции Кувейта 1962 г. [4. С. 359–362], ОАЭ 1971 г. [4. С. 427–429], Пакистана 1973 г. [5. С. 617–624], Ирана 1979 г. [4. С. 245–248], Йемена 1991 г. [4. С. 288–291], Омана 1996 г. [4. С. 469–472], Катара 2003 г. [4. С. 327–329], Афганистана 2004 г. [5. С. 20–27] закрепляют только случаи ограничения отдельных прав и свобод, но не общие условия.

В Конституции Ирака 2005 г., помимо положений об ограничении отдельных прав и свобод, есть оговорка общего характера о законе: «Ограничение любых прав или свобод, декларированных настоящей Конституцией, возможно только вследствие применения закона или на его основе и только в той мере, в какой такое ограничение не противоречит самому понятию права или свободы»

[4. С. 195–202]. Аналогичную оговорку о законе мы встречаем в Конституции Бахрейна 2002 г. [4. С. 31].

Исследованные положения конституций государств, представляющих различные правовые семьи, позволяют обнаружить как определенное сходство (общие черты), так и различие (особенности) в конституционном регулировании ограничения прав и свобод человека и гражданина. «Сравнительное правовое исследование — подчеркивает В.М. Сырых — завершается описанием выявленных фактов сходства и различия» [14. С. 342].

Сходство (общее) заключается в следующем.

1. Ограничение прав и свобод человека и гражданина государством признается возможным, допустимым; это один из конституционных принципов взаимоотношений государства и человека, который носит универсальный характер и оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений.

Подтверждением существования указанного конституционного принципа являются соответствующие положения основных законов. В Конституции Португалии 1976 г. статья, закрепляющая общие правила ограничения прав и свобод, расположена в разделе I «Общие принципы» части I «Основные права и обязанности» (ст. 18) [8. С. 752], в Конституции Польши 1997 г. — в подразделе «Общие принципы» раздела II «Свободы, права и обязанности человека и гражданина» (ст. 31) [8. С. 690], в Конституции Албании 1998 г. — в главе I «Общие принципы» части 2 «Основные права и свободы человека» (ст. 17) [7. С. 184], в Конституции Восточного Тимора 2002 г. — в части I «Общие принципы» раздела II «Основные права, обязанности, свободы и гарантии» (ст. 24) [6. С. 59–60].

2. Ограничения прав и свобод должны быть закреплены законом.

Это требование устанавливается либо в виде оговорки общего характера, либо сопровождается конституционное закрепление конкретных прав и свобод. Эти законы должны носить общий, абстрактный, а не индивидуальный характер.

3. Ограничения прав и свобод могут быть установлены в целях защиты определенных публичных и частных интересов.

Ограничения устанавливаются в целях защиты: прав и свобод человека, конституционного строя, национальной безопасности, государственной безопасности, общественной безопасности, общественного порядка, здоровья населения, нравственности общества. Эти цели могут обобщенно закрепляться в отдельной (общей) статье или при установлении ограничений какого-либо конкретного права могут указываться одна или несколько целей.

4. Отдельные ограничения конкретных прав и свобод (личных, политических, экономических) устанавливаются самой конституцией.

Сходство конституционных положений об ограничениях прав и свобод человека и гражданина является следствием, во-первых, влияния международных универсальных актов о правах человека; во-вторых, интернационализации науки конституционного права.

Различие (особенное) заключается в том, что для государств романо-германской правовой семьи характерно закрепление в конституциях перечня

общих целей, оправдывающих ограничение всех прав и свобод, а также принципа соразмерности ограничений этим целям.

В целом, анализируя эволюцию содержания конституций, мы можем констатировать наличие общемировой тенденции как можно более детального конституционного регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина. Значение подробного, детального конституционного регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина заключается в том, что это регулирование является способом установления пределов государственной власти, поскольку ограничивает в первую очередь полномочия законодательных органов. Чем более подробным является конституционное регулирование ограничения прав и свобод, тем надежнее защищен человек от неконституционных ограничений его прав и свобод.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. — 5-е изд., стер. — М.: Омега-Л, 2008.
- [2] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. — М.: Международные отношения, 2009.
- [3] Избранные конституции зарубежных стран: учебное пособие для бакалавров / Отв. ред. Б.А. Страшун. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2012.
- [4] Конституции государств Азии: В 3 т. Т. 1. Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма, 2010.
- [5] Конституции государств Азии: В 3 т. Т. 2. Средняя Азия и Индостан / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма, 2010.
- [6] Конституции государств Азии: В 3 т. Т. 3. Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма, 2010.
- [7] Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 1 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. — М.: Издательство НОРМА, 2001.
- [8] Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. — М.: Издательство НОРМА, 2001.
- [9] Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. — М.: Издательство НОРМА, 2001.
- [10] Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2013.
- [11] Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2002.
- [12] Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 №16-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 28. — Ст. 3881.
- [13] Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2009.
- [14] Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

- [15] *Чиркин В.Е.* Сравнительное правоведение: учебник для магистратуры. — М.: Международные отношения, 2012.
- [16] *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2013.

**COMPARATIVE ANALYSIS
OF THE CONSTITUTIONAL REGULATION
OF THE RESTRAINTS OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN
AND CITIZEN IN THE LEGAL SYSTEMS AND FAMILIES**

A.A. Podmarev

The Department of Legal Theory and History
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article presents the comparative analysis of the constitutional regulation of the restraints of rights and freedoms of man and citizen in the different legal systems and families and reveals the common and distinct features in this pointed regulation.

Key words: constitution; constitutional regulation; rights and freedoms of man and citizen; restriction of rights and freedoms of man and citizen; legal system; legal family.

REFERENCES

- [1] *Vengerov A.B.* Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. — 5-e izd., ster. — М.: Omega-L, 2008.
- [2] *David R., Zhoffre-Spinozi K.* Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. — М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009.
- [3] Izbrannye konstitucii zarubezhnykh stran: Uchebnoe posobie dlya bakalavrov / otv. red. B.A. Strashun. — М.: Izdatel'stvo Yurayt; ID Yurayt, 2012.
- [4] Konstitucii gosudarstv Azii: V 3 t. T. 1. Zapadnaya Aziya / pod red. T.Ya. Kxabrievoy. — М.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: Norma, 2010.
- [5] Konstitucii gosudarstv Azii: V 3 t. T. 2. Srednyaya Aziya i Indostan / pod red. T.Ya. Kxabrievoy. — М.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: Norma, 2010.
- [6] Konstitucii gosudarstv Azii: V 3 t. T. 3. Dal'niy Vostok / pod red. T.Ya. Kxabrievoy. — М.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: Norma, 2010.
- [7] Konstitucii gosudarstv Evropy: V 3 t. T. 1 / pod obsch. red. L.A. Okun'kova. — М.: Izdatel'stvo NORMA, 2001.
- [8] Konstitucii gosudarstv Evropy: V 3 t. T. 2 / pod obsch. red. L.A. Okun'kova. — М.: Izdatel'stvo NORMA, 2001.
- [9] Konstitucii gosudarstv Evropy: V 3 t. T. 3 / pod obsch. red. L.A. Okun'kova. — М.: Izdatel'stvo NORMA, 2001.
- [10] *Marchenko M.N.* Sravnitel'noe pravovedenie: Uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — М.: Prospekt, 2013.

-
- [11] *Obschaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik / pod red. V.V. Lazareva. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurist', 2002.*
- [12] *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.07.2013 №16-P po delu o proverke konstitucionnosti polozheniy chasti pervoy stat'i 237 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF v svyazi s zhaloboy grazhdanina Respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2013. — № 28. — St. 3881.*
- [13] *Rad'ko T.N. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik. — 2-e izd. — M.: Prospekt, 2009.*
- [14] *Syr'ka V.M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: uchebnik. — M.: Norma: INFRA-M, 2012.*
- [15] *Chirkin V.E. Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnik dlya magistratury. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012.*
- [16] *Ebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitucionnom stroe Rossiyskoy Federacii: monografiya. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2013.*